

К-60.

65.9(2P5)32
К 60

ОД РЕДАКЦИЕЙ
А.ЯКОВЛЕВА

Г. КОЛЕСНИКОВА

223С1

К 60

КОЛЫВАНСКИЕ
КОММУНАРЫ

3-80

РЕСЬЯНСКАЯ ГАЗЕТА

СКВА — 1929 г.

W.
21/1/18

RECEIVED
JAN 21 1888
JAN 21 1888

М 21236

JS

65.9(2P5)32
K 60

БИБЛИОТЕКА КОЛЛЕКТИВИСТА

Кемеровская областная

библиотека

Г. КОЛЕСНИКОВ

СЕКТОР СПЕЦИАЛЬНОСТИ

x K.60

ЦЕНТРАЛЬНАЯ

Читальня-просветительная

33321

КОЛЫВАНСКИЕ КОММУНАРЫ

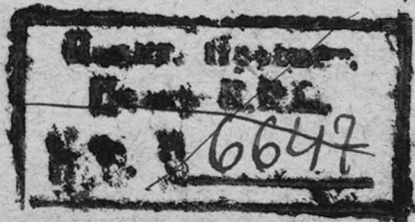
(с.-х. коммуна „Красный октябрь“,
Колыванский район, Сибирский край)

инв. 5116.

198582

Кемеровская
областная библиотека
ОСНОВНОЙ ФОНД

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРЕСТЬЯНСКАЯ ГАЗЕТА“
ОСКВА

1930

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр</i>
Тяжелые воспоминания	3
Зеленые просторы	11
Мимоходом	17
Все по очереди	24
Не по дням, а по часам.	27
Передовой отряд	32
В пошивочной мастерской	35
Общественная прачечная	37
Маленькие коммуны	39
За стенгазетой	42
День урожая	45

ТЯЖЕЛЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ.

Безудержно палит солнце. Блестит нарядная коммунальская улица. Радостно смотрят на нее светлые, только что протертые окошки. Вьются по карнизам гирлянды из зелени.

Вся коммуна на улице. На кухне, помимо дежурных кухарок, собрались почти все женщины. Хлопот — непочатый край. Из столовой выносятся на широкую зеленую лужайку столы, покрываются белоснежными скатертями.

Быстро и бесшумно расставляет Нюша тарелки, раскладывает ножи и вилки. Пекарка Акунина сияет — пироги удалась на-славу. Розовые, пышные, душистые, они рядами лежат на широком белом столе в ожидании гостей.

Сегодня в коммуне «Красный Октябрь» великий день — годовщина подавления колыванского восстания. Девять лет назад 9 июля впервые отпраздновали коммунары победу над врагами советской власти, поднявшими на восстание весь Колыванский уезд.

Теперь из года в год в этот день бросают коммунары даже самые горячие полевые работы. В районе 9 июля считается праздничным днем. Со всех концов стекаются

в коммуну гости отпраздновать победу над темными силами, потрясшими Колывань.

С раннего утра готовятся коммунары. Больше всего народа у палисадника окружающего братскую могилу.

Вся увитая цветами, выделяется надпись «Вечная память борцам за идею коммунизма, зверски замученным руками бандитов 6 июля 1920 г., но на трупах дорогих товарищей заложен фундамент колыванской коммуны, вечно неразрушимой». Палисадник кажется живой, выросшей из еловых веток изгородью. Рядом возвышается специально выстроенная к этому дню, покрытая кумачом, трибуна. На широкой коммунарской улице от палисадника до общественного амбара растянулась вновь отстроенная, еще слезящаяся смолой арка.

У арки орудует молодежь. Ловкими сильными руками вяжут девушки гирлянды из хвои. Парни обивают арку зеленью.

— Чего там застрял наверху? Держи ветку, — кричит на Васенку распоряжающийся всей постройкой Андрей.

Васенка сидит верхом на поперечном бревне и усердно наколачивает молотком поданную ему гирлянду.

— А ты, доморощенный инженер, не очень покрикивай, — огрызается он и начинает еще усерднее стучать молотком.

— Торопись, робя, скоро гости придут.

К арке во весь опор несется группа девчат. Прижимая к груди огромные букеты цветов, они бегут красные, запыхавшиеся.

— Успели, — облегченно охает Машуха, первая подлетевшая к арке. — Мы за цветами в лес ходили! — и

Машуха рассыпала по зеленой сочной траве целый ворох свежих, нетронутых еще солнцем цветов.

Вслед за Машухой подбежали остальные девчата. Выросла целая цветочная гора.

— Ну и молодцы, девчата, кто же это надоумил вас цветов набрать? Ну, садитесь венки плести, будем зелень перевивать цветами, — скомандовала Марфа.

Девчата дружно уселись в кружок, подвернули татарски ноги и принялись за работу.

Постепенно улицы коммуны стали заполняться гостями. Приготовления к встрече окрестных крестьян уже закончены. Плещется на арке алый плакат «Почтим память погибших героев». Около трибуны расставлены скамейки. На обеденные столы ребята поставили свежие букеты полевых цветов.

Ровно в двенадцать зазвенел коммунарский колокол. Толпа хлынула на площадь. Медленно поднялся на трибуну взволнованный представитель волисполкома.

Оживление мгновенно сникло. Перед толпой стоял участник тырышкинской драмы.

Надреснутый, чуть хриловатый голос прорезал тишину:

— Товарищи! Каждый год над этой могилой собираемся мы почтить память погибших героев и отпраздновать нашу победу над хлынувшими на нас остатками колчаковщины, сомкнувшимися с местным кулачем.

На всю жизнь запомнился мне день 6 июля. В четыре часа пополудни сидели мы в здании волисполкома. Шло очередное заседание. Крестьяне все на покосе. В селе — тишина.

Вдруг раздается тревожный церковный набат. С разных концов села к волисполкому бегут люди. Одни — с ружьями, револьверами, другие — с пиками, лопатами, вилами.

Едва только мы успели закрыть на засов дверь, как вся эта озверевшая толпа налетела на волисполком. Убедившись, что мы засели крепко, открыли стрельбу.

Защищаться нам было нечем. Единственная надежда на бегство. Несколько человек успели выбежать, спрятались в хлеву. Секретарь вика Горбунов едва встал из-за стола, как пуля шлепнулась в стул, на котором он сидел. В ужасе он бросился к окну и прыгнул со второго этажа. Ошеломленные бандиты не успели опомниться, как он уже скрылся.

Остальные члены волисполкома Перегудов, Кочетков, Бурцев, Ситников погибли тяжелой, мучительной смертью. Особенно глумились над Перегудовым, распороли ему кинжалом живот.

Зверства восставших были беспредельны. Я видел, как мельник Мальцев вонзил тесак в батрака Гусева, как он несколько раз вытаскивал свое страшное орудие, обтирал об одежду, вонзал снова, наслаждаясь мучениями истекающего кровью батрака. Мы лишились лучших людей волости. Замучены были все коммунисты, истерзано несколько батраков и бедняков.

Покончив с волисполкомом и местными коммунистами, бандиты разделились на три группы. Одни пошли избивать коммунистов в Черемшанку, другие в Подволошную, оставшимся поручено было искать скрывшихся в селе.

Чем дальше, тем больше расходились бандиты. В деревне Подволошной подняли на вилы схваченного на улице активнейшего работника коммуниста Шибанова. Убитого тов. Максима привязали за ноги к телеге и вывезли на скотское кладбище. Исколотого вилами агента губпродкома т. Вольфа бандит Дрожжин скинул вилами в навозный лог. Товарищи Выборнов, Аникин и Пальников, были замучены и брошены на свалку. Товарищ Пальников долго еще там ползал с рассеченным черепом, прежде чем умереть. Одному беспартийному крестьянину Аникину отрубили ножом ногу. Всех зверств не перечислить. Их слишком много, и слишком тяжело о них вспоминать.

Напряженная тишина, в которой, как плетью, хлестал собравшихся слушателей голос оратора, вдруг разорвалась. Несколько женщин разрыдалось. Оратор приостановился, словно дернул и сжал себя.

— Я не буду больше говорить о тех ужасных фактах, от которых стынет кровь и нет сил сдержаться от рыданий. Я начал говорить обо всем этом, чтобы еще раз напомнить, как остатки колчаковской армии вместе с колыванскими кушцами и деревенскими кулаками одурачили отсталую часть крестьянства. Сегодня, празднуя годовщину подавления этого восстания, мы должны еще раз показать нашу преданность советской власти. Кулак сейчас опять поднимает голову, пробует мешать нашему социалистическому наступлению, но это ему не удастся. Мы помним уроки колыванского восстания. На трупах погибших в этом восстании укрепилась коммуна, но эти жертвы залог ее крепости. Предлагаю почтить вставанием память погибших героев и дать торжествен-

ную клятву, что будем усиливать строительство колхозов, будем привлекать в них все новые и новые слои крестьянства, будем всеми силами строить социализм.

Громовые аплодисменты покрыли слова оратора. На смену ему медленно взошел на трибуну Молоков.

Его небольшая сухошавая фигура сразу сделалась какой-то особенно большой и значительной. Лихорадочным блеском загорелись глаза и сразу приковали к себе внимание всех собравшихся.

— Товарищи, мне немного осталось добавить к тому что было уже сказано.

Правильно сказал представитель волисполкома. Наша коммуна выросла на трупах и поэтому она должна быть особенно крепкой.

Всего только за несколько месяцев до колыванского восстания организовалась на землях нашей коммуны «Красный Октябрь» коммуна «Краснореченская». Расположилась она по-соседству с деревней Черемшанкой, организована почти целиком выходцами из нее.

Вот эта-то коммуна и была центром, который решили разгромить бандиты.

Подшли они к Черемшанке с двух сторон. С одного конца тырышкинцы, с другого — воробьевцы. В Черемшанке о восстании знали только кулаки.

Начали с деревни. Убили случайно там оказавшегося Радоменко. Бузлакова тяжело ранили в грудь навылет, Петрова — в ногу. Через несколько дней оба умерли.

От деревни бандиты двинулись к коммуне. Коммунары были в поле. На них налетел вооруженный винтовками, кольями, пиками отряд. Началось настоящее избиение

безоружных коммунаров. Часть успела спрятаться в лесу, остальные погибли.

Долго отбивался от нападающих старик Дурнов. Хотел было бежать в лес, но остановился.

— За правду и умирать легко, — таковы были его последние слова.

В этот день погибло еще несколько коммунаров. Наступившая темнота прекратила избиение.

Толпа взволнованно шелохнулась. Казалось, из десятков грудей вырвался один общий вздох. Молоков продолжал:

— На следующий день семьи коммунаров были арестованы и посажены вместе с детьми в тесный, сырой подвал. Погреб строго охранялся часовыми. Расправа продолжалась. Нашли еще Петрова И., Коновалова П., Титова Д., Мамаева И. и других, всего 8 человек. Их отправили связанными в Тырышкино и зверски замучили. Убитых накануне на пашне собрали и свалили в яму. С ними похоронили живым избитого и израненного слесаря коммунара т. Худякова. У поселка Кочетовского поймали кузнеца коммунара Потапова и также его зарыли живым в землю.

Все взволнованней, все громче становился голос оратора.

— Восемнадцать лучших коммунаров погибло. Название «Краснореченская» оправдалось вполне. Кровь коммунаров потекла красной речкой. Из мужчин остались в живых всего несколько человек. Слухи о зверствах, творящихся в Колывани, дошли до Новосибирска. Немедленно двинулся оттуда отряд Красной армии. Одна весть о приближающемся отряде красноармейцев

уже расстроила ряды восставших. Бандиты бросились в леса. Но немногим из них удалось скрыться. Остатки колчаковщины были разбиты. Сегодня мы празднуем великий день — 9-ю годовщину подавления этого восстания. Мы должны быть крепкими и радостными, потому что мы победили.

Молоков сошел с трибуны. Все поднялись со скамей.

Молодой, звонкий голос затянул «Интернационал». Его поддержали сотни других. Могучий гимн всколыхнул застывший от жары и от ужасов прошлого воздух.

Недолго длился митинг. Еще несколько речей — и торжественная часть была закончена.

Коммунары повели гостей к столу. На белых скатертях розовел свежий, мягкий пирог.

Обед проходил сосредоточенно и тихо. На всех нахлынули воспоминания о прошлых днях, когда почти каждый из присутствующих потерял близкого человека.

После обеда разошлись — кто куда. Пожилые крестьяне пошли осматривать скотные дворы. Молодежь хлынула в красный уголок посмотреть свежие газеты, почитать журналы, послушать радио.

Коммунары начали приготовления к вечернему выступлению.

Незаметно шло время. Быстро спускались сумерки. Все с нетерпением ждали спектакля. Сегодня впервые шла пьеса, посвященная колыванскому восстанию и составленная самими коммунарами.

Едва только успели гости занять места, как отдернулся занавес.

Опять перед глазами зрителей прошли все ужасы восстания. Упал сраженный бандитской пулей Шибанов.

Геройски отбивался от наступающих отец Молокова. Силился выбраться из могилы заваленный грудой мертвецов Худяков.

Стон стоял в зале. Нескольких женщин пришлось вывести. Выступили слезы на глазах самых крепких, самых испытанных коммунаров.

После спектакля не аплодировали. Все были слишком потрясены развернувшейся картиной.

ЗЕЛЕННЫЕ ПРОСТОРЫ.

Едва только занялась заря, коммунары были на ногах. Вместе с коммунарами проснулись оставшиеся почевать гости. Они пришли издалека, впервые попали в коммуну и хотели хорошенько познакомиться с ее хозяйством.

— Теперь, ребяташки, от нас не отвяжетесь, показывайте свое добро, хотим поля осмотреть.

— Что ж, придется показать, — будто нехотя соглашается Стрельников. А видно, как улыбается он углом губ и радуется, что есть ему что показать и что лицом в грязь он не ударит.

Быстро заканчивая последние распоряжения по хозяйству, он примыкает к ожидающей его в отдалении группе экскурсантов и все двигаются в поход.

— Только не мало вот отмахать придется, — лукаво посмеивается Стрельников. — Ведь участок наш 3.000 га., 8 км. в длину, 3¹/₂ в ширину.

— Что-то больно много, — словно усомнившись в правдивости слов полевода, замечает высокий жилистый парень в смазных сапогах.

— А тебе что, сапогов жалко стало? — усмехнулся юркий старичок, групповод экскурсии.

— Ну, мы где пройдем, где поглядим, — успокаивает Стрельников.

— Да мы не из пугливых, можем два таких участка за день отмахать, а только интересно, на сколько у вас народу земля такая рассчитана? Нет ли тут обману, — вступает опять в разговор высокий парень.

— Рассчитана она на 500 душ, а пока у нас только 250. Заявлений сейчас 400 штук подано, принимать новых членов будем. Плохо только у нас с жильем. Живем в тех самых избах, в которых в деревне жили. Приходится принимать теперь новых в ограниченном количестве. Думаем скоро большой каменный дом отстроить, тогда у нас задержки в приеме не будет.

— Небось, трудно такую площадь-то своим трудом поднять?

— Трудненько иной раз приходится. Но машины нас выручают. Только когда картошку окучивать, соседних баб приглашаем. Да во время молотбы тоже поднимать крестьян приходится.

— А с уборкой хлеба тоже, наверно, сами не справляетесь?

— Нет, убирают хлеб у нас жатки. Они и сожнут и в снопы свяжут, нам только возить остается, оттого никаких помощников не надо.

— А работаете как — по восьми часов или по-крестьянски, вместе с солнышком?

— По правилам у нас зимой 8-часовой, а летом 10-часовой рабочий день. Ну, когда надо работу к погоде подогнать, и лишку иной раз переработаем. У нас об

этом разговоров никогда не бывает. Свое общее хозяйство каждому дорого.

За разговором незаметно свернули с дороги и пошли по узкой тропке. Во все стороны, насколько хватит глаз расстилаются поля. Колосится тучная рожь.

— Ишь как колосья налились, — с удовольствием говорит маленький, юркий старичок, срывает несколько колосьев, растирает их между ладонями и с наслаждением кладет в рот горсть свежих, пахучих семян.

Солнце палит как-то особенно настойчиво. Изредка набегает ветерок и ряд за рядом клонит к земле густую созревающую рожь.

— Сеялкой, черти, все посеяли, — не то с завистью, не то с досадой замечает высокий парень.

— Да уж с лукошком по полю не ходим, — довольно усмехнулся Стрельников, стащил почему-то вдруг с головы картуз, солнце заиграло в его рыжих, огненных волосах.

Экскурсия поднялась на пригорок. Стрельников сделался особенно серьезным и сосредоточенным. Кажется, что он собирается показать что-то необычайное.

И действительно, как только экскурсанты прошли кустарник, перед их глазами открылось невиданное еще никем из них зрелище. На поле, где густо колосилась пшеница, нагибаясь к земле своими длинными усами, ровными рядами, на одинаковом расстоянии друг от друга возвышались подсолнухи.

— Ишь, сторожей-то понаставили!

— А ты не смейся. Это, и впрямь, у нас сторожа. Место у нас тут для посева неудобное. Бугорок лесом не защищен. Постоянно здесь ветер дует. Засеем озимое,

а весной бугор, словно у лысого старика затылок, совсем голый. Несколько былинки взойдут. А земля здесь не хуже, чем в других местах. Мягкий мощный чернозем. Думали: как быть? Ходили к агроному советоваться, а он нам и говорит: «Попробуйте кулисный пар. Для задержания снега садите подсолнухи. Тогда ветер не будет снег выдувать, и поле не хуже других окажется». Ну вот, мы и заготовили кулисного пара 70 га. да майского тоже 70 гектаров.

— Какой у вас севооборот-то сейчас? — интересуются экскурсанты.

— На двенадцатиполье уж давно перешли. Каждое поле по 155 га. выделили.

— А система хозяйства у вас какая?

— Сначала мы на полеводство главным образом налегали, а теперь у нас система полеводственно-животно-водческая. А полеводство паротравопольное.

Утомленные долгим путешествием по полям, экскурсанты присели на пригорке. Хотелось им все поподробнее разузнать, понять, как коммунары справляются со своим хозяйством.

— Что-то больно мудрите вы, братцы. Тут ученым надо быть, чтоб такое хозяйство вести, — заявляет то ли с сожалением, то ли с завистью высокий худощавый парень.

— Ничего, своими силами справляемся. Районный агроном время от времени заезжает, а нынешнюю весну всю у нас прожил. Мы наказ правительства о поднятии урожайности уж выполнять начали.

— Как это вы выполняете?

— Кое-что сделали, кое-что намечаем сделать. Засеем поля исключительно протравленным, отсортированным зерном. Есть у нас своя зернотравилка. Задержание снега на полях провели на 100 га. На одном поле посадили деревья. Так называемые заградительные древонасаждения по краям полей.

— А кобылка, небось, донимает? Она у нас здорово поля вышибла, — замечает один из экскурсантов.

— С кобылкой не мало нам хлопот было, на 150 га. такую развернули с ней борьбу, что чертям тошно станет. Дожди нынче часто идут, трудно с ней бороться.

— А опытные поля у вас есть?

— Как же, у нас этому делу большое внимание уделено. Выделили опытно-испытательное поле на 5 га. Проводим опыты с канадским донником. Произвели посадку плодовых деревьев, малины.

— Да, труда-то немало положили, а толк-то какой вышел? — интересуется старичок.

— Толк-то? Да вот судите сами. В прошлом году, когда всех этих мероприятий не проводили, достукались до убытка от полеводства в 7 тыс. рубл. Неурожай нам тут службу сослужил. А в нынешнем году 20 тыс. рубл. прибыли получили.

— Пожалуй, дело стоящее, — решили экскурсанты. Пошли дальше.

Тучная рожь сменялась сочной пшеницей. Острыми пиками исколот землю американский пырей, легким покрывалом разостлалась люцерна.

Экскурсанты были мало заняты открывающейся перед ними картиной. Они пришли, чтобы на примере коммуны

научиться, как поставить свое хозяйство и потому подходили к осмотру с чисто деловой стороны.

— Вот у нас все говорят, что ваши урожаи здорово перегнали крестьянские. Правда это или, может, брехня? — не без задней мысли спросил высокий парень.

— А ты парень с подходцем, — усмехнулся Стрельников. — Только тут нам смущаться нечего, цифры сами говорят за себя. В районе средний урожай за 6 лет — 7 центн. с гектара, а в коммуне — $8\frac{1}{2}$ центн. Овес в районе 5 центн. дает, а в коммуне — $6\frac{1}{2}$. Картофель в районе — 5 т., а в коммуне — $10\frac{1}{2}$. (В число этих 6 лет входят неурожайные годы).

— Да, тракторы вас здорово поддерживают, — почти в один голос сказали несколько экскурсантов.

— Тракторы, конечно, сила. У нас два фордзона, один интернационал. Все тракторные прицепки есть. Подойдет сенокос — выкатим 5 сенокосилок, они, как бритвой, траву снимут. Жатва придет — 6 жаток начнут наяривать, в несколько дней весь урожай в скирды сложен. С цепами уж забыли сколько лет назад работали. Как пустим в ход 2 молотилки, не только свой, но и крестьянский хлеб обмолотим.

— Ну, сеялки тоже свои, по полям видно, — добавляет один из экскурсантов.

— Да, сеялок у нас 5 штук. Да еще зерноочистительные машины недавно получили, ни одного неочищенного зернышка теперь земля у нас не увидит.

Медленно переходили экскурсанты от одного поля к другому. К отдаленным полям не подходили. Стрельников просто указывал на них и объяснял, какое поле чем занято.

МИМОХОДОМ.

Время близилось к обеду. Экскурсанты начали беспокоиться.

— Нам еще надо бы обязательно скотные дворы посмотреть.

— А вы ночуйте, не только скотные дворы, но и кирпичный завод и мельницу посмотрите и на слесарне не вредно бы побывать кузница у нас есть, столярная мастерская.

— Да мы знаем, что все ваше хозяйство за один день не осмотреть, но у нас времени нет, дома работа ждет, торопиться надо.

— Ну ладно, идем обедать, а потом скотные дворы посмотрите.

Довольные всем виденным, возвращались экскурсанты в коммуны.

— Сила в этих колхозах заложена. Надо бы и нам организовать. Давно своих мужиков подбиваю, толку не добьюсь. Скоро ждите к себе гостей. Каждого Фому Неверного к вам пошлю, пусть своими глазами убедится, что сообща хозяйство легче поднять, — возбужденно говорил Стрельникову старичок групповод, организатор экскурсии.

— Да, дед у нас больно за колхоз ратует, а мы ему не верим, газеты читали — врут, думаем, а вот он и подговорил: давай, говорит, в годовщину колыванского восстания в «Красный Октябрь» поедем. Вот мы и приехали, — словно оправдываясь, пояснил высокий парень в смазных сапогах, вначале очень недоброжелательно относившийся к коммунальному хозяйству.

14 212 36

К обеду запоздали. Пришлось есть отдельно. Торопливо проглотили обед и отправились на скотные дворы.

Группу вел один из активнейших коммунаров Попов.

— Ты что, главный скотник что ли? — недоверчиво отнесся к новому руководителю группы старик-экскурсант.

Попов смущенно улыbnулся.

— Нет, я только в роде провожатого буду, а на каждом скотном дворе у нас свой специалист есть. Он будет уже все объяснения давать. А по дороге я вам кое-что расскажу.

В первую очередь экскурсанты решили осмотреть свинарник.

— Свиней у нас сейчас 305 да молодых поросят до 4 месяцев 108. Раньше все свиньи в одном свинарнике помещались, а теперь уж четвертый отстраиваем, все помещения нехватает, — по дороге поясняет Попов.

Навстречу экскурсии от свинарника несется неистовый визг.

— Ишь, проголодались, визжат, словно их резать собрались, — смеется Попов.

Экскурсанты входят в высокое, светлое помещение. Здесь живут лучшие матки с поросятами и производители. Внутри свинарника по обе стороны проложенного по середине прохода идет ряд отдельных кормушек. На первом месте лежат три породистых хряка. Все они слегка посапывают. Посетители не производят на них никакого впечатления, ни один не шелохнулся.

Навстречу вошедшим в свинарник поднимается низкорослый, корявый человек с реденькой, рыжей бородкой. Это Папа Капустин, бывший батрак, лучший свиновод коммуны, с самых первых лет ее организации ведущий эту отрасль.

— Незаменимый работник, — говорят про него коммунары.

И действительно, на редкость внимателен и заботлив Капустин по отношению к своим питомцам.

— Что, свинок наших зашли посмотреть? Пожалуйста, пожалуйста, — любезно встречает он гостей.

— Вот тут, как раз у самого края, лежат у нас лучшие матки. Пока поросята маленькие, держим вместе с матерью, а потом тоже в отдельное помещение переводим.

Словно в подтверждение его слов дальше идут клетки с одними поросятами. Свинарница накладывает корм в маленькие корытца, стоящие перед клетками. Оглушительный визг постепенно начинает прекращаться и вместо него раздается неистовое чавканье.

— Любит скотинка поесть, — смеются экскурсанты.

— Они не только поесть, они и в баньке помыться любят, — иронизирует Капустин. — Я вот вам сейчас покажу свиную баню.

За перегородкой, в конце свинарника, в полу сделана из плах огромная ванна. Около нее объемистый бак для воды, тут же вырыт колодец.

— Вы что ж это специальную ванну заказывали? — спрашивают пораженные экскурсанты.

— Мы на заказы-то не очень падки. Своими силами все оборудовали, — как бы невзначай роняет Капустин. — Вот в этой ванне каждый день купаем всю эту братию.

Всех, конечно, в один день не вымоешь, так круглую неделю у нас баня работает. В неделю, в полторы всех перемываем.

— Какие же они будут свиньи, если каждую неделю моются, — смеются экскурсанты.

— Добротные свиньи. От 27 убитых голов получили мяса около 3.000 кг. да от молодняка до одного года от 84 штук получили 4.700 кг. Дохода они немало дают.

— Что ж все свиньи у вас так по-барски живут? — интересуются экскурсанты.

— В дальнейшем думаем всех так обеспечить, а пока еще не удалось. Вот пойдем еще посмотрим приготовленных на убой.

Группа входит во второй свиначник. Здесь картина уже совсем иная. Прямо в ряд, разделенные только бревенчатым забором из однорезника, лежат и стоят свиньи. Они уже накормлены и потому нет того визга, который оглушил экскурсантов в первом свиначнике.

— Этих, небось, не моете?

— Нет, этих не успеваем вымывать, — чистосердечно признается Капустин.

Здесь уже долго рассматривать не интересно.

— Да, надо бы и этот свиначник вам оборудовать, — наставительно замечает присоединившаяся к экскурсии коммунарка Федосья из соседней коммуны.

Дальше группа идет в коровник. Это большое, высокое, недавно отстроенное здание. От свежеложенных стен пахнет сосной. Коровы уже подоены. Одни стоят еще около своих датских кормушек, другие уже улеглись. От пережевывания корма раздается мерный одно-

образный гул. Здесь дает объяснения работающий уже много лет на скотном дворе Семен Казанцев.

— У нас сейчас 64 дойных коровы. Молоко идет на хозяйство. В дальнейшем думаем поставить молочное дело образцово, сейчас уже успели добиться некоторых успехов. В 1924 году в среднем от одной коровы мы получали 9,1 центн. молока в год. Потом стали подгонять. В 1925 достигли 71, в 26—109, в 27—125. Добились этого, конечно, главным образом правильным уходом, кормлением по норме да постепенным подбором хороших пород, — объясняет Казанцев.

— Производителя-то покажи. У вас, говорят, новый, недавно приобретенный, — просит Федосья.

— Пойдемте, пойдемте, хоть он у нас не очень гостей любит, а показать можно, — соглашается Казанцев.

Могучий симментал-полукровка, с белым яблоком на глазу, действительно, не любит посетителей. Услышав приближающихся к нему людей, он весь насторожился и взволнованно загремел цепью.

Огромная темная туша заняла пространство в несколько метров.

— Да ему только в таком коровнике и жить, а в крестьянский и не подпускай, все равно не войдет, — замечает окончательно подавленный величиной производителя старик-групповод.

Бык волнуется. Злобно таращит глаза. Начинает зловеще посапывать.

— Да, опасный бычок. Тяжеловат, поди, — решает высокий парень и направляется к выходу.

На дворе уже лежат густые сумерки.

— Овчарню, пожалуй, не удастся осмотреть, — с сожалением замечают экскурсанты. — Дойдем до мельницы, а потом и по домам.

Попов соглашается, по дороге рассказывает про овцеводство.

— Думаем эту отрасль развернуть широко. В наших условиях хорошо прививается порода Рамбулье. Производителя одного приобрели, постепенно думаем метизировать все стадо. Уже сейчас наши овцы значительно сильнее крестьянских. У них убойный вес овцы 12—16 кг., у нас — 24—28. Крестьяне настригают шерсти с силой килограмм, а мы полтора, а то и два.

Мельница совсем утонула в сумерках. Едва выделяется ее серый силуэт на фоне потемневшего, как чернила, пруда.

Около мельницы, несмотря на поздний час, необычайное оживление. Несколько подвод выстроились в ряд друг за другом. Хозяева подвод столпились около крыльца. До экскурсантов сначала долетали обрывки фраз. Очевидно, шел спор о хлебозаготовках. Явственнее других выделялся голос старшего засыпки коммуны Васильева.

— Нет, братцы, вы относительно хлебозаготовок неправильно говорите. Сгноите хлеб по амбарам и выйдет, что пролежите на своих хлебах, как собака на сене.

— Брось, Васильев, заливать. Вы вот сортовые семена сдали, а сами на черном хлебе пробавляетесь. Калачи-то пшеничные только к чаю подаются.

— Мы от такой еды хуже не станем, зато государству подмога, зато нашими семенами была возможность

снабдить хозяйства, которые не имеют еще сортовых семян.

Экскурсанты подошли к группе спорщиков. Через несколько минут спор разгорелся еще горячее. Коммунары доказывали необходимость сдать государству все хлебные излишки, кой-кто из окрестных крестьян не соглашался.

— Ишь агитацию развели, — то ли недовольно, то ли поощрительно проговорил групповод экскурсии и направился к Васильеву.

— А ты нам, хозяин, мельницу-то покажи. А то в наших краях ни одной турбины нету.

Васильев охотно поднялся с насиженного места и открыл дверь во внутреннее помещение мельницы. Заглушенный рокот турбины сделался четким и явственным. Навстречу входящим неслась белая мучная пыль и мягко оседала на лицах.

— Моторчик бы нам посмотреть, — просят экскурсанты.

— Что ж, моторчик не велика штука, пожалуйста сюда в электрическое отделение.

Маленький моторчик разочаровывает экскурсантов.

— Никакого в нем виду нет, — с досадой машет рукой любознательный старик, а сам засматривает на ремни, лежащие на моторе и соединяющие его с турбиной.

— Да, не велика штука, а доход немалый дает. На этой мельнице мы в прошлом 1927 г. перемололи 1.100 т., из них седьмая часть коммуне, а остальное окружающим крестьянам.

— Да, с крестьянами у вас тут, видать, смычка, — замечают экскурсанты.

— Еще бы, целые вечера за беседами просиживаем, — отвечает Васильев.

Долго лазили экскурсанты по мельнице. Спустились вниз. Смотрели, как вода двигает турбину. Удивлялись маленькому моторчику, который зимой ухитряется освещать всю коммуну электричеством.

Усталые, но довольные возвращались экскурсанты на ночлег.

— А делового парня вы на мельницу поставили, — заметил один из экскурсантов.

— Дело-то ответственное. Каждый день с крестьянами. Развивать их нужно, растолковывать пользу коллектива; убеждать, что надо помочь государству. Ну, а Васильев у нас парень сознательный. Коммунист, в германскую войну чуть не весь свет изъездил, да и мастер хороший.

— Да, видать, не мало у вас тут хороших людей. Нам бы столько же подобрать, — словно с завистью заметил старик-групповод.

ВСЕ ПО ОЧЕРЕДИ.

Рано утром опустела коммуна. Дома остались только ребятишки, скотники да дежурные кухарки.

Кипит работа на кухне. На широкой уместительной плите чинно выстроились в ряд высокие алюминиевые кастрюли. Вода греется в специально вмазанном баке. Время от времени открывается дверка духового шкафа, и главная повариха Ящинкина Александра вытаскивает несколько больших листов с запеканкой, ставит на их место новые. Не легко на всю коммуну наготовить.

Правда, запеканка делается сейчас только для детей и больных, а то пришлось бы передать эту работу пекарке.

Заведующая столовой Кушина хлопочет тут же около плиты. Она недавно ездила вместе с главной поварихой Ящинкиной на кулинарные курсы в Новосибирск, и теперь они вдвоем заправляют всей кухней.

Одна помощница сидит на низенькой скамеечке и чистит картошку, другая в огромной мясорубке мелет мясо для котлет.

— Знаешь, Дарья, приезжий-то нонче из Новосибирска больно нас хвалил, хорошо, говорит, готовить научились. Недаром коммунарок на кулинарные курсы посылали.

— Хвалил, хвалил. Они все приезжие рады ради красного словца приятное что сказать. А наши бабы все ругаются, что животы болят. Теперь уж по записке фельдшера для больных отдельную пищу готовим.

— Да они себе животы-то, небось, в прежнее время испортили. Кто у нас хворает, молодежь что ли? Вот твоя Паша рисовой каши не запросит, а мясо жареное будет за обе щеки уплетать. Ну, а Морковина уж не в молодых годах, у нее и зубы-то притупились, ей на молочной лапше надо сидеть.

Быстро спорится работа на кухне. Приготовить сразу на 200 с лишним человек не штука. Летом, правда, на дальних полях коммунары сами себе готовят обед. В коммуну приезжают только ужинать. На ближние поля дежурные носят пищу, а дома обедает только домашний наряд, работающие на предприятиях, скотники, кухарки, няни из яслей, да ребятишки из детского сада.

Иной раз на дальние поля едут дежурные кухарки, а дома остается только главная повариха да заведующая столовой.

Коммунарки не особенно любят работу на кухне.

— Хоть оборудовано у нас все, а на свежем воздухе все как-то лучше, хоть и тяжелей иной раз работа.

Но все-таки для того, чтобы организованнее шла работа, коммунарки на кухне назначаются на определенный срок.

Хоть тяжеловато на кухне, но с единоличным хозяйством не сравнишь. Гордятся коммунарки тем, что у них организовано общественное питание. Давно уже забыли, как ухватами горшки из русской печки таскали.

— Ну, бабоньки, кажется, пора на стол накрывать, — посмотревши на часы, говорит Софья Кущина. — Я пока буду хлеб резать, а вы идите в столовую, скоро наши с работы придут.

Столовая помещается тут же в одном доме. В большой просторной комнате стоят круглые столы, накрытые клеенками. После каждой еды эти клеенки обмываются теплой водой, на столах всегда чисто.

С полом дело обстоит значительно хуже. Моется он часто, но в дождливые дни бывает грязно. Глина ползет под ногами и как ни стараются обтирать ноги перед входом в столовую, сплошь и рядом на полу лежат огромные шлепки грязи.

Быстро расставляют дежурные на столах глубокие тарелки, кладут ложки, ставят соль и хлеб, по 4 прибора на каждом. Когда все готово, ровными, гулкими ударами звенит коммунарный колокол. Быстро столовая наполняется народом. Обедают в две смены, все сразу не могут

поместиться. В первую смену усаживаются за стол подростки и молодежь.

Давно уже в коммуне заведен добрый обычай — перед тем как садиться за стол, мыть руки. На дворе около столовой стоит умывальник. Правда, он не особенно хорошо оборудован, и вода из него льется прямо на землю, а потому около него почти всегда грязь.

— Надо бы желоб сделать или корытце поставить, да все не соберемся, — смущенно оправдывался Молоков, когда заговорил об этом представитель санитарной комиссии, подсевший к нему за обедом.

— Ну, не соберетесь, так мы через общее собрание на вас нажмем, — заявил санитар.

Принесшая суп дежурная кухарка прервала разговор. Все сидящие за столом принялись хлебать суп. Каждый ест сколько хочет. Отказу в добавке никто не получает. Так как пищу сразу разносят несколько женщин, особенно долго ждать пока подадут еду, не приходится. Как только кто съел суп, ему подается второе. После обеда чай с молоком.

Выходит одна смена из-за стола, на «тепленькие» места усаживаются другие.

На кухне хлопот еще немало. Одни начинают мыть посуду, другие уже принимаются готовить ужин.

НЕ ПО ДНЯМ, А ПО ЧАСАМ.

— А, бабоньки, здравствуйте, — широко распахнув дверь и вытирая у порога ноги, крикнул председатель соседней коммуны «Молот» — Сафронов.

— Ты откуда это, Сафроныч, к нам пожаловал? — радостно встретила его Александра.

— Приехал к тебе ума-разума набраться. Надо посмотреть, как у вас плита сложена, да узнать, какой печник ее ладил.

— Смотри, все перед тобой открыто. Знаю я, ты без дела не ездешь.

Сафронов, не вдаваясь в спор, начал обмеривать плиту. Осмотрел духовой шкаф, котел для воды.

— Кастрюли у вас больно хороши, — заметил он на прощанье.

— Самые практичные. И моются хорошо, и живут долго, и никакого вреда в себе не содержат.

— О печнике-то в канцелярии узнаешь, — напустила выходящего из кухни Сафронова Александра.

В канцелярии, узнав фамилию и адрес печника, Сафронов заявил, что собрался осмотреть кирпичный завод.

— Нам тоже кредиту на постройку дают, осмотреть надо, как у вас дело поставлено.

— Что ж идем, я тоже туда собрался, — предложил уполномоченный «Красного Октября» Шибанов.

Через несколько минут по направлению к заводу замаячали две фигуры.

— Интересного-то немного узнаешь. Мы только еще строиться начали. Один сарай готов, второй вчера закладывать начали, горны еще не поставлены, только ямы для них выкопаны.

— Ладно, ладно, мне важно посмотреть, какое место выбрано, как сарай поставить, где горны рыть.

Незаметно прошли коммунары поля и вышли на высокий бугор, огибаемый, как кольцом, со всех сторон речкой Оешь.

— Глина здесь у нас первый сорт. Уже сама с песком смешана, можно прямо кирпичи месить, — поясняет Шибанов.

— Далеко только, пожалуй, от коммуны место выбрали — километра полтора будет.

— Далековато немного, это верно. Зато вода под боком. На бугре постоянно ветер дует, быстрее сушить кирпичи будет. Землю копай сколько хочешь — никакие поля не повредишь.

— Немало, небось, хлопот на это дело положили?

— Да, не легко нам пришлось. Специалистов, главное, у нас своих нет. Только один резчик нашелся. Пришлось наемных рабочих брать. Строим сейчас на сдельщине. Растет завод не по дням, а по часам. Смотри, вчера только столбы копать начали, а сегодня уж весь остов готов.

Действительно, на бугре рядом с отстроенным уже сараем возвышался остов для нового.

— Вот смотри уж, ветки подвозят, изгородь переплетать будут, а к вечеру, глядишь, — и крышу начнут класть.

— Сколько кирпичей в год думаете завод даст? — осведомляется Сафронов.

— По плану намечено 600 тыс. кирпичей в год.

— А постройка во сколько обошлась?

— Пока два сарая да два горна 1.200 руб. стали. Трудно сейчас окончательный расчет произвести, но думаем на этом деле большой доход получить. Если 600.000 кирпичей купить, меньше 18.000 руб. на это не потратишь. А мы думаем себестоимость выше 6.000 не станет. Значит, 12.000 съэкономим.

В первую очередь решил Сафронов осмотреть уже готовый сарай. Там работа началась. По большой яме ходила лошадь, месила глину. Рабочий только изредка подливал воды и подбрасывал новую порцию глины. В сарае два резчика вкладывали в формы кирпич.

Медлить в работе не приходится. С размаха шлепается глина в приготовленную форму, выравнивается лопаточкой, посыпается сверху песком, чтобы не пристала земля, и с каждой минутой растет в сарае дорожка кирпича, выложенная резчиками. Брак пока встречается довольно часто.

— Не приноровились еще, да и больно уж торопятся, — сетует заведующий заводом Грошев.

А резчики, действительно, торопятся во весь дух.

Дедушка Влас совсем выбивается из сил, изредка падают на влажные кирпичи тяжелые капли его пота. Зато с необычайной быстротой и ловкостью работают привыкшие к делу руки.

У Ванятки дело идет не так споро. Руки у него работают менее уверенно, но зато на помощь неопытным рукам приходят молодые, шустрые ноги. Ванятка бегом носится с готовыми кирпичами и вприпрыжку возвращается обратно, чтобы снова вложить в форму новый кирпич, снова нестись с ним по сараю.

— Еще недели через две начнем обжигать свое производство, — рассказывает Шибанов.

— Интересно, сколько вырабатывает каждый резчик в день?

— По-разному, смотря по сноровке. Дедушка Влас — 1.000, а то и больше вырабатывает, ну а Иван пока больше 600 штук не сделает.

— Надо нам, пожалуй, ученика к вам послать пускай учится делу, пока мастера своего у нас нет, — предлагает Сафронов.

— Что ж, можно, — соглашается Шибанов, — мы тоже свой молодняк думаем этому делу поучить.

После сарая коммунары идут осматривать горны. Здесь долго задерживаться не приходится, пока вырыты только большие ямы, где будет происходить обжиг кирпича.

В стороне около речки белеет только-что отстроенный кирпичный барак для рабочих.

— Чтоб лишнего времени не тратить на ходьбу в коммуну и обратно, решили тут выстроить барак, — объясняет Шибанов.

Около барака взволнованно кричит что-то Грошев, размахивая руками, увидев Шибанова, он налетает на него:

— И сарай начали, и барак начали, и печи готовим, а барак до сих пор не готов, комар такой, что лечь нельзя. У нас так за тремя зайцами погонишься — ни одного не поймашь.

— А ты не горячись, товарищ, — невозмутимо останавливает Грошева Шибанов. — Барак сегодня будет закончен. Немного праздник нам это дело застопорил. Да на постройку сарая много рабочих рук отняли. Все будет готово, дайте только срок.

Сафронов доволен осмотром:

— Хорошо дело у вас поставлено. Правда, спешка чувствуется, ну, да это не беда, смотреть только лучше надо. Зато, глядишь — годика через два кирпичный дом выстроите.

— Да, через два года думаем двухэтажный корпус отстроить. На жилищный кризис жаловаться не будем. А главное приятно, что все это создается своими силами.

ПЕРЕДОВОЙ СТЯД.

Сегодня воскресенье. Приятно отдохнуть после горячих полевых работ. Идет уже уборка урожая. Каждое утро чуть свет поднимаются коммунары и возвращаются не раньше, чем потухнет вечерняя заря.

Радуются коммунары дню отдыха. Оделись по праздничному. В красном уголке полно. Читают свежие газеты. Надо наверстать пропущенное — всю неделю уголок пустовал.

Женщины выглядят сегодня особенно празднично, из города приехала представительница женотдела, проводить женское собрание.

Морковина готовится к отчетному докладу, забралась в комнату бюро ячейки и тщательно выписывает из протоколов нужные ей цифры.

В 12 часов столовая наполняется женщинами. Мелькают яркие платки, пестреют разноцветные платья. Сегодня ясли не работают. Матери приходят на собрание вместе с грудными ребятами.

Морковина, одна из старых партиек коммуны, открывает собрание. Избирают председателя и секретаря.

Председатель с грудным ребенком на руках садится за стол. Звонко дребезжит звонок.

— Товарищи, внимание! Имеет слово для доклада коммунарка Морковина.

Привыкшая к частым выступлениям Морковина слегка взволнована. Щеки горят румянцем, изредка, как бы украдкой, пощипывает она уголки платка, повязанного на голове.

— Я, товарищи, постараюсь говорить как можно короче. Не так давно наши женщины были ничуть не развитее любой деревенской бабы. Не было времени коммуне заниматься нашим просвещением. Но вот организуется школа ликвидации неграмотности, записывают в нее всех женщин. Кто с охотой, а кто и против воли ходят на занятия. Теперь у нас почти все коммунарки грамотные. Четверо состоят членами ВКП (б), 8 марта нынешнего года приняли кандидатами восемь человек. Каждый месяц проводится одно женское собрание; два раза в месяц — делегатское. Выделены 21 делегатка. Все они у нас активные работницы. Одна работает, как председатель черемшанского сельсовета, несколько человек — члены кредитных товариществ. Выделили трех коммунарок, которые должны произвести обследование работы среди женщин в соседних деревнях и коммунах.

Пять человек были командированы на курсы, одна была на дошкольных, одна на ясельных, одна на кулинарных, одна на портняжных, одна на животноводческих.

Культурная работа с женщинами разворачивается с каждым годом. Выписываются журналы для красного уголка. Почти каждая женщина выписывает журнал «Крестьянка». При организации яслей сначала было артачились наши бабоньки, ну а потом смекнули — на пользу. Теперь ни одна против них слова не скажет. Перелом в мозгах женщины большой. С 1921 и

1922 годами не сравнить — совсем другие стали. Было время, когда одна женщина разведет кур, другая поросеночка приголубит, но их мы живо обработали, теперь ни одной женщине такого дела в голову не придет.

Доклад оборвался как-то неожиданно.

— Не все сказала докладчица. Забыла рассказать про пошивочную мастерскую, об общественной прачечной не обмолвилась, — вступилась Стюра.

— А о комсомолках ни слова не сказала, словно у нас их нету. А у нас комсомолок почти половина всех девчат будет, — добавила бойкая Папа Кушина.

— Бабоньки, к порядку, — прервала заговоривших со всех концов коммунарок председательница. — Высказывайтесь по очереди.

Долго еще продолжалось собрание. Хотелось коммунарам поделиться с приехавшей из города женорганизаторшей всеми своими горестями. Жаловались, что до сих пор не сумели избавить ребят от трахомы, нехватает средств оборудовать детдом, общественная столовая и кухня существуют только на летнее время, а зимой приходится возиться с горшками да ухватами вместо того, чтобы наравне со всеми принимать участие в культработе.

Порешили обязательно настаивать перед советом на открытии на зиму детского дома и оставлении на круглый год кухни и столовой.

Вечером целой гурьбой провожали коммунарки женорганизатора.

— Приезжай почаще, нам с тобой легче своего добиться будет, — напутствовали ее на прощанье коммунарки.

В ПОШИВОЧНОЙ МАСТЕРСКОЙ.

Стучит машинка. Быстро работает Стюра Молокова. Она главная и почти единственная мастерица в пошивочной мастерской. Помощницы у нее бывают изредка, обычно во время каких-нибудь особенно срочных работ.

Сегодня спешка. Нужно для детской площадки сшить всем ребятишкам рубашки. Рядом со Стюрой сидит Нюша. Она выполняет ту работу, которую необходимо сделать руками. Машинка стучит без передышки. Ноги без устали нажимают на педаль, руки ловко укладывают и подвертывают материал.

Недавно организовалась пошивочная мастерская в коммунае, но работы видимо-невидимо.

Каждый идет со своим куском, каждый тащит себе на платье, мужу на рубашку, ребятишкам на штанишки.

Удовлетворить всех пока Стюра не в состоянии. В первую очередь шьет для общественных нужд. Немало потребовалось времени, чтобы обшить ясельников. Сейчас работают на ясли. Коммунаров обшивают по очереди. Девчата обычно шьют сами.

— Стюра, ты мне скроишь платьишко-то?

— Скрою, скрою, приходи.

Если у Стюры нет спешной работы, в помощи она никому не отказывает.

Утром, не успела еще Стюра засесть за работу, в комнату вбежала Аксинья. Крепкая, румяная, веселая, она вместе с собой принесла в комнату свежесть и запах леса.

— Стюрочка, обновку до смерти надо. С Василием зарегистрироваться решили. Надо «свадебный наряд» справить.

— Да ну, неужто уже сговорились? Молодец, Аксютка. Свадьбу-то справлять будете?

— Вечерку устроим. Василий 20 руб. получит, я — 20, вот и все наше приданое, на 40 руб. не только чаем угостить можем, а и обновки себе справить.

— Экономно у нас нынче стало. На хозрасчет все перевели. Раньше-то бывало немало мы общественных средств на свадьбы эти тратили. Ну, ладно, — прервала вдруг себя Стюра, — нечего прохлаждаться. Показывай материю, давай кроить.

Аксютка с удовольствием разворачивает розовый батист.

— Красота, а, правда?

— Хорошее платьице выйдет, что и говорить. Только тебе самой шить придется. Черед не могу нарушить. Где надо, помогу тебе. Сиди тут у меня.

— Ладно, ладно, я уж знаю.

Фасон выбран без долгих разговоров. Быстро ножницы раскроили материю. Стюра уже сидит за своей машинкой. Аксютка старательно сметывает швы огрубевшими на полевых работах пальцами.

В комнату стремительно влетает шустрая Пашка.

— Я, Стюра, к тебе, на счет салфеточки. Вот смотри, как у меня хорошо тут все выходило, а вот тут напутала, и не знаю, как дальше быть.

Стюра внимательно рассматривает работу.

— Не в ту сторону нитку заворачиваешь, вот как надо, — показывает она.

— Ишь как просто, а я думала погибла моя салфеточка, — радуется Паша. — Ну, давай, я теперь сама буду.

Так целыми днями с утра до вечера сидит в своей мастерской Стюра. Работает сдельно. Цены низкие: платице детское — 30 коп., мужская рубашка — 50, женское платье — 1 рубль. Но вырабатывает Стюра не меньше других.

Зимой начинает работу кружок кройки и шитья. Длинные зимние вечера просиживает в одной комнате 20—25 лучших рукодельниц коммуны.

Здесь иногда устраиваются читки. Стоит только притти новой почте, рукодельницы бегут в красный уголок.

— Дайте нам «Крестьянку» для громкой читки.

Целый вечер слышится гул от мерного чтения.

Читают члены кружка по очереди. Иногда приходит провести беседу кто-нибудь из мужчин. От «Крестьянки» переходят к чтению газет.

Иной раз, когда долго нет почты, целые вечера поют рукодельницы. Заунывные русские песни сменяются новыми, боевыми, радостными, выученными из песенника. А когда решают ставить спектакль, на занятиях рукодельного кружка читают пьесы, выбирают наиболее интересную для постановки.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПРАЧЕЧНАЯ.

Мерно постукивают деревянные ванны о стенку.купаются руки в мыльной пене. Ловко выкручивается белье, падает в большой бак, откуда перекладывается в чан для парки. Первое лето работает в коммуне общественная прачечная. Оборудована она своими силами,

нет особых технических усовершенствований, но вместе с тем труд женщин значительно облегчен.

Прачечная выстроена рядом с баней. Это даже просто одно здание, разделенное на две части. В одной — баня, в другой — прачечная.

Ванны для стирки на определенной, наиболее удобной высоте приделаны к специальным подставкам. В дне ванны вделан особый кран, или, вернее, деревянная пробка, которая вытаскивается когда нужно вылить воду. Вода выливается прямо на пол и по специально сделанному желобу стекает в канаву.

Вода греется в баке, вмазанном в плиту, в другом баке кипятится белье. Прачечная выстроена на берегу реки, воду обычно возят ребята прямо с речки, наливаются она насосами опять-таки по специально сделанному желобу.

— Зимой-то у нас больше по домам стирают, а летом все к нам тащат, — рассказывает Дарья.

— Много белья из яслей да с детской площадки приходится стирать. Там все за чистотой следят, ну, а нам работы прибавляют, — поясняет Маруся.

Хотя тяжелая работа в прачечной, но не жалуются на нее прачки-коммунарки.

— На деревне-то не легче было. Здесь, по крайней мере, дни отдыха есть, после обеда тоже заснуть немножко можно. А на деревне мытарились от зари до зари.

— Вот только старые-то коммунарки не больно в прачечную идут, все нас новых посылают, — жалуется Маруся.

— Ну что ты зря говоришь, — вскипятилась Дарья. — Я в коммуне уж четвертый год состою, а наравне с тобой

за корытом бьюсь. И такого разделения у нас — на старых и новых нет.

Случайно это смена из новеньких подобралась.

Работает прачечная второй год. Плата за стирку поштучно. Мелочь по копейке стирают, рубашки, платья по три копейки, самая дорогая плата — пятачек.

Стирает обычно 4 женщины. За сушкою наблюдает одна. Она же разносит выстиранное белье по домам. Прачки назначаются на целый сезон, а то и на круглый год.

— Много врагов у прачечной у нас было, а теперь поняли, что не напрасно мы это дело затеяли. Большое облегчение от прачечной чувствуем, — говорят женщины.

МАЛЕНЬКИЕ КОММУНАРЫ.

— Стой! Вороти с дороги, — трактор едет!

На площадке перед яслями коммуны возится толпа ребятишек.

Сцепились ручонками, сгрудились тесно друг к другу. Кто — колесо, кто — руль, кто — бак для бензина, и все вместе — трактор. Пыхтят, надуваются и движутся медленной тяжелой поступью, словно настоящий «Форд».

Пятый год уже существуют ясли в коммуне, в этом году организована детская площадка. Ребята уже сжились друг с другом. Играют вместе. Редко один, другой отделится от общей толпы ребятишек.

— Мы — коммунары! — с гордостью заявляет 5-летний Ванюшка.

И действительно, в этой тесной толпе, одетой в одинаковые костюмчики, дружно сидящей за маленькими

столами, чувствуется настоящая спайка маленьких коммунаров.

В 5 часов утра приносят матери своих ребятишек в ясли и уходят на работу. На детскую площадку дети приходят часов в 8. Целый день ребята проводят вместе. Просторно и светло в яслях, чисто и уютно на детской площадке.

И площадка и ясли помещаются в одном доме. Это лучшее здание коммуны. Зимой здесь помещается школа.

Ясельники — наверху, дошкольники — внизу.

Чинно в ряд выстроились кровати в яслях. Беленькие, чистенькие, сделанные по одному образцу, они получены из новосибирского здравотдела. На ковре сидят несколько маленьких коммунаров и без устали строят и разрушают и снова строят дом из кубиков.

Несут завтрак. Подают молочную кашу. Няни садятся за стол, сажают себе на руки малышей, которых уже бросили кормить матери. Одна держит на коленях сразу двух и кормит то одного, то другого по очереди. Ребятишки спокойно сидят, изредка теребят друг друга ручонками.

Внизу на детской площадке слышен шум и возня.

Не привыкшие еще к установленным на площадке порядкам, ребятишки толются перед умывальником.

Шумно усаживаются за стол. Руководительница, практикантка из Московского университета, быстро усаживает шумную ватагу.

— За столом еще спокойно сидеть не привыкли, — жалуется руководительница. — Плохо то, что посуда у всех разная, кто что из дома принес, из того и едят.

С игрушками тоже дело обстоит неважно. Привезла кое-что руководительница из Москвы.

Кроватки для отдыха еще не у всех есть.

Все эти недостатки объясняются тем, что всего только несколько недель назад открылась площадка.

Как только вернулась коммунарка, прослушавшая в Новосибирске курсы по дошкольному воспитанию, матери собрали своих детей и оставили их на попечение новой руководительницы.

— Некогда ждать было, пока совет раскачается, все закупит, работы уже начались, — объясняют коммунарки почему они так настаивали на немедленной организации детской площадки.

Хорошо живут ребята в коммуне. Целый день проводят они вместе, под руководством получивших специальное образование дошкольников.

Но есть одна большая беда. Замучила трахома. 10 ясельников живут в отдельном домике. У них отдельные няни, отдельные игрушки, отдельная посуда. И все-таки время от времени трахомный изолятор пополняется новыми больными.

Среди дошкольников, после осмотра врача, тоже замечено несколько трахомных, постановлено их немедленно поселить отдельно и выделить им специального руководителя.

Хотя есть в коммуне фельдшерица, но, очевидно, несмотря на это, недостаточно хорошо поставлен медицинский надзор. Врач приезжает редко.

Обидно смотреть на маленьких коммунаров, принужденных сидеть отдельно в яслях. Еще хуже на детской площадке, где ребята еще не отделены, где все игрушки

«заразных» помечены отдельными значками, где есть отдельное «заразное» полотенце, где дети должны все время остерегаться друг друга.

Серьезная постановка медицинского обслуживания — одна из очередных задач, на это обращает сейчас серьезное внимание совет коммуны.

Есть предложение превратить детскую площадку в детский дом. Приготовления к организации его уже начаты. На будущий год, наверно, уже все детишки будут жить в отдельном помещении, воспитываться под руководством получивших специальное образование, педагогов.

ЗА СТЕНГАЗЕТОЙ.

Кипит работа в красном уголке. На большом столе вместо обычно разложенных газет и журналов, разостлана стенгазета.

Витька Клоков, склонив голову на бок и чуть прикусив язык, тщательно вырисовывает заголовок.

— Ну и нанесли нам заметок на этот раз, — прямо хоть отбавляй, а все материал ценный!

Редактор сортирует заметки по отделам.

— В отдел «Наши достижения» пойдут: «Результаты хозяйственного года», «Коммуна на помощь крестьянам», «Умножили ряды Осоавиахима», «МОПР не остался без поддержки», «Радиослушатели растут, как грибы». О молодежи дадим: «Комсомольцы впереди», «Заскучавший киномеханик», «Веселый вечер». Уголок женщине надо отвести, а то они у нас больно напористые стали. Здесь «Наш быт» дадим с карикатурами. «Председатель без портфеля» — это Молокова нашего не больно любезно

в сельхозкооперации встретили, «Под грудой кирпичей» — небольшая заминка на заводе у Грошева вышла. Ну, тут еще разную мелочь поместим.

Художник внимательно слушает редактора и стопками откладывает заметки на те места, где помещаются перечисленные отделы. Карикатуры уже приготовлены, заголовки тоже, остается только все наклеить — и газета готова.

Группа ребят возится около радио. На стене вывешивается плакат: «Рост числа радиослушателей». С 40 записавшихся при покупке радиоприемника число их выросло до 80. Больше половины членов кружка — крестьяне деревни Черемшанки.

Маруся тщательно обводит ново ерасписание занятий кружков, установленных на зиму. Пока выписала еще только названия кружков: «кружок военных знаний, с.-х. кружок, кружок радиолюбителей, кружок рукоделия, кружок селькоров».

— Давай мне итоговые данные по работе ячейки. Вот здесь поместим.

— Пиши: при организации коммуны было 6 партийцев, в 1927 г. число членов дошло до 15, а в 1928 вступило сразу 23 человека.

— Что же вы о росте партийцев диаграмму даете, а комсомольцев на задний план? Мы тоже вам диаграмму приготовим. 25 проц. всей молодежи коммуны в комсомоле. Всего 40 человек. Девушек — 15, членов и кандидатов партии — 13. Доверие со стороны крестьянства полное. Предсельсовета — комсомолка, секретарь — комсомолец, организаторы простейших объединений — комсомольцы.

— Ну, хватит, хватит. Ты тут не диаграмму, а целую статью расскажешь. Основные цифры давай и ладно, — распоряжается редактор.

Пока стенкоры возятся с газетой, остальная молодежь наводит порядок в красном уголке. Для ячейки МОПР получены новые плакаты, надо их повесить. Ячейка ОДН собирается похвастаться ко дню урожая своими достижениями. Маруся Титова вывешивает диаграмму роста членов ОДН. Состоит в ячейке ОДН 80 человек. Есть при коммуне ликпункт и школа для малограмотных.

В столовой по стенам поставлены столы для выставки. Здесь самым наглядным образом можно увидеть достижения коммуны и преимущества коллективного хозяйствования над единоличным.

В центре стоит сноп высокой, чистосортной коммунарской ржи, рядом низенький снопик крестьянской. Над ними надпись: «Урожай ржи в крестьянском хозяйстве — 8 цента с гектара, в коммуне — 15—17 центнеров».

Дальше пук обычного лугового сена и рядом с ним американский пырей, выращенный на полях коммуны. Здесь надпись еще выразительнее: «На крестьянских полях собирается сена 6½—7 центнеров с гектара, у коммуны гектар американского пырея дает 42 центнера».

Дальше идет пшеница, выращенная на кулисном цару, урожай с протравленного и непротравленного зерна. Картофель, выращенный в коммуне и в крестьянском хозяйстве.

До позднего вечера хлопотали коммунары в красном уголке и на выставке.

ДЕНЬ УРОЖАЯ.

Рассыпала осень золото с деревьев. Хрустят опавшие листья под ногами. Опустели поля. Зато туго набиты амбары зерном. Заполнены овощами подвалы.

Радуются коммунары окончанию полевых работ.

К празднику урожая все готово. Пестреет выставка различными экспонатами. Ярko выделяются сделанные доморощенными художниками диаграммы. Чисто и уютно в красном уголке.

Одетые новыми плакатами стены смотрят весело, по-праздничному. Около стенгазеты с самого утра толпы коммунаров.

Постепенно стекаются к коммуне окрестные крестьяне. Главное внимание их сосредоточено на выставке. Все экспонаты полеводства — в столовой. С животноводством можно знакомиться прямо на скотных дворах. Здесь порядок образцовый. Свиньи все начисто вымыты. Коровы блестят вылощенной шерстью, лошади тоже словно принарядились. Здесь же на скотных дворах вывешены плакаты, показывающие достижения коммуны по животноводству по сравнению с окружающим населением.

Средний годовой удой в коммуне	20,6 центн.
--------------------------------	-------------

»	»	» в деревне	787 кг.
---	---	-------------	---------

Шерстность овцы в коммуне	3 кг.
---------------------------	-------

»	» в деревне	1,8 кг.
---	-------------	---------

На центральном месте в столовой еще более ошеломляющие цифры:

Затраты на гектар в коммуне	15 руб.
-----------------------------	---------

»	» в деревне	20 руб.
---	-------------	---------

Средний доход на едока в коммуне 957 р. 72 к.

» » » в деревне 55 руб.

Товарность хозяйства в коммуне 8.946 р. 29 к.

Цифр вывешено немного, но они достаточно выразительны.

В полдень на всю коммуну разносятся удары колокола. Коммунары приглашают гостей обедать.

За обедом идут расспросы о постановке хозяйства, сравниваются результаты урожая.

Немало в этот день было подано заявлений о вступлении в коммуну.

После обеда в сопровождении струнного оркестра гости вместе с коммунарами отправляются на гулянье в лес.

Далеко разносятся бойкие голоса девчат. Подхватывают песню парни и пожилые крестьяне. Веселье идет заправское. Начинаются пляски, игры.

Все с нетерпением ждут вечернего выступления. Программа намечена большая. Вступительное слово о значении дня урожая. Вечер самодеятельности и кино.

Едва только начало темнеть, как клуб уже наполнен. Торопливо рассаживаются гости по скамейкам.

Коммунары привыкли к организации вечеров. Раз, а то и два в месяц обязательно ставится в коммуне спектакль, да не меньше раза в две недели показывают кинокартины. В коммуне свой собственный киномеханик, прошедший специальные курсы в Новосибирске.

Ровно в назначенный час раздается звонок. На трибуне председатель коммуны Молоков. Говорит он, главным образом, о том большом значении, которое придает коммуна работе с окружающим населением.

— По почину коммуны в деревне Черемшанке организованы семенное и бычье товарищество, а также пожарная дружина. Семенное товарищество, наверно, скоро перейдет на устав т-ва по общественной обработке земли. Участок уже получен. В поселке Семкино организованы семенное, машинное и бычье товарищества и пожарная дружина. Предполагается организовать в Семкине поселковое товарищество и перевести его затем на устав коммуны. Семкинцы с прошлого года перешли уже на 9-польный севооборот. В селе Тырышкино в 1923 г. организована потребительская и молочная кооперация. В Черемшанке организовано отделение потребительской кооперации. В поселке Семкино кооперировано 80 проц. населения. Население привыкло смотреть на коммуну, как на своего ближайшего помощника. Беднота деревни Черемшанки обратилась к совету коммуны с просьбой вместе с сельсоветом обсудить вопрос об организации в деревне овцеводного товарищества и отпустить для него улучшенных баранов породы Рамбулье. Коммуна оказывает большую помощь бедноте. При содействии коммуны беднота поселка Семкино получила дополнительный кредит в 3.000 рублей. В результате — вместо 29 бедняков и 7 середняков в поселке теперь 10 бедняков и 26 середняков. Беднота получает постоянную помощь с.-х. машинами и орудиями, в особенности тракторами. В среднем каждый трактор обрабатывает бедноте не меньше 5 гектатов. Своей пожарной машиной коммуна обслуживает все ближайшие деревни. Организованные при коммуне случайные пункты содействуют улучшению стада окрестных крестьян. Население удовлетворяется чистосортными семенами и травами.

Немного оставалось оратору к этому добавить. Крестьяне сами прекрасно знали, что не только выгоднее и легче работать коллективом, но что в коммуне также им куда интереснее проводить свой досуг, нежели у себя в деревне, что деревенскую молодежь водой не отольешь от коммуны; что открыт доступ крестьянам во все работающие при коммуне кружки.

Горячими аплодисментами закончилось выступление Молокова.

После небольшого перерыва начался вечер самодеятельности.

Здесь было и выступление струнного оркестра, и хора, организованного из крестьянской и коммунарской молодежи, и декламация, и комические сценки.

Закончился вечер демонстрированием специальной картины, приуроченной ко дню урожая.

Довольные расходились по домам крестьяне.

— Сыто и весело живут коммунары, зато им не отставать.

**Шлите отзывы об этой книжке
по адресу:**

**Москва, 7, «Крестьянская газета»
Отдел неперIODических изданий.**

THE
LIBRARY OF THE
MUSEUM OF
ART AND HISTORY
OF THE
CITY OF
NEW YORK
100 N. 5th St.
New York, N.Y.
10002

Цена 12 коп.

ЭТИ ЧЕТЫРЕ КНИГИ

**ИЗД-ВА „КРЕСТЬЯНСКАЯ ГАЗЕТА“
ДОЛЖНЫ БЫТЬ В КАЖДОМ
КРЕСТЬЯНСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ**

1. „Крестьянский деловой справочник“. Стр. 160. Ц. 45 к. В „Справочнике“ — закон о сельхозналоге с объяснениями, образцы всевозможных жалоб, заявлений, договоров, обязательств и других деловых бумаг.
Поступило в продажу 10-е изд., исправл. и дополн.
2. Крестьяне М. и И. **НОВИКОВЫ** — Дедовские порядки на пересмотр. 2-е изд. Стр. 96. Ц. 25 к. В книжке рассказывается о том, каким образом крестьянину наиболее разумно и целесообразно организовать свое хозяйство.
3. **М. РОГИ**. — Проверьте свое хозяйство. (2-е изд.) Стр. 64. Ц. 25 к. В книжке рассказывается о том, как крестьянину правильно организовать свой труд и свое хозяйство.
4. **В. ЧЕРЕВКОВ**. — Великие жизни. Стр. 170. Ц. 50 к. В этой книге даны художественные жизнеописания великих людей: Ньютона, Дарвина, Эдисона, Маркса и Ленина.

„День и ночь читал бы такие книги“ —
пишет кр-н И. Беликов.

Эти книги, а равно и другие по первому требованию высылают за наличный расчет и наложенным платежом Книжная экспедиция „Крестьянской газеты“, г. Москва, 7, Воздвиженка, 9